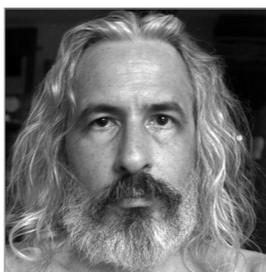

ЗНАНИЕ, ПАМЯТЬ И ГРАНИЦЫ СУБЪЕКТА

Черняк Алексей Зиновьевич – кандидат философских наук, доцент.
Российский Университет Дружбы Народов.
Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6;
e-mail: abishot2100@yandex.ru

В данной статье рассматривается вопрос о том, может ли субъект, использующий искусственное устройство как аналог своей памяти, в буквальном смысле знать то, что хранится в этом устройстве и что он из него извлекает, подобно тому, как нормальный человек знает то, что хранится в его памяти. Некоторые философы утверждают, что человеческий разум не ограничен рамками человеческого тела, они рассматривают разум человека как систему, некоторые части которой могут находиться вне самого человека. С этой точки зрения субъект может знать то, что хранится не в его собственной памяти, а в имплантированном в него компьютере или даже во внешнем хранилище. Автор не согласен с этим тезисом и разделяет ту точку зрения, согласно которой у нас недостаточно оснований для подобного вывода. Но предположение, что человек может в обычном смысле знать то, что хранится не в его памяти, а в искусственно созданном устройстве, могло бы приобрести больший вес, если бы было убедительно показано, что, по крайней мере, система, состоящая из человеческого мозга и компьютера, может иметь те же знания, какие имел бы соответствующий человек. В отличие от системы, состоящей из человека и искусственного устройства, выполняющего роль его памяти, в системе с человеческим мозгом в своем составе работа памяти может обеспечиваться теми же биологическими процессами, которыми она обеспечивается в обычном человеке. Может ли такая система иметь обычные человеческие знания? Автор критически разбирает эту гипотезу и показывает, что у нас все же недостаточно оснований для положительного ответа на этот вопрос.

Ключевые слова: когнитивный экстернализм, память, знание, убеждение, имплант, когнитивная система, мозг в бочке

KNOWLEDGE, MEMORY, AND THE BOUNDARIES OF SUBJECT

Alexey Z. Chernyak – PhD
in Philosophy, associate
professor.
Peoples' Friendship University
of Russia.
6 Miclucho-Macklay St.,
117198, Moscow, Russia;
e-mail: abishot2100@yandex.ru

This article is dedicated to the question: may the subject who uses an artificial device for storing information and consulting it literally know the information contained in this device and got by the subject by way of consulting it? Some philosophers claim the thesis of extended mind, i.e. they consider human mind as a system some parts of which may be external to human body. From this point of view the subject may know the information which is stored not in his memory, but in some computer implanted in him or even in some external storage. The author does not agree with this thesis and think that we don't have sufficient reasons for its statement. But the hypothesis that someone may know what is stored outside of his memory might seem more justified if it could be shown that at least a system consisting from human brain and computer could have the same knowledge as that which corresponding human being would have. Unlike systems consisting from human beings and some external storages working as substitutes of human memory, systems with human brains is based on the same biological processes which provide

the work of normal human memory. Can such system have normal human knowledge? The author critically analyzes this hypothesis and shows that we don't have sufficient reasons to answer this question positively.

Keywords: cognitive externalism, memory, knowledge, belief, implant, cognitive system, brain in the vat

1. Когнитивный экстернализм

Рассмотрим такую ситуацию: к преподавателю подходит студент и спрашивает, в какой аудитории у них занятие, на что преподаватель ему отвечает, что он сам должен знать. Студент, забыв, очевидно, номер аудитории, смотрит в свой телефон и узнает ответ на свой вопрос. Что именно происходит в этом случае в эпистемическом плане? Студент заново узнает, обращаясь к телефону, то, что когда-то знал, а потом перестал знать, потому что забыл? Или телефон лишь помогает ему вспомнить то, что он знает и не прекращал знать, несмотря на то, что забыл? Допустим, что в рассматриваемой ситуации соответствующая информация полностью стерта из собственной памяти субъекта или она не позволяет ему получить эту информацию. Также уместно допустить, что телефон является стандартным средством хранения полезной информации для данного студента, с которым он периодически консультируется, чтобы что-то узнать. Если признать, что телефон в таком случае помогает человеку вспомнить то, что он знает, то это значит, что он знает соответствующую информацию, несмотря на то, что она хранится во внешнем носителе, а не в собственной памяти субъекта. Но это значит, что такому внешнему носителю можно приписывать такую же когнитивную роль, какую играет в нашей жизни обычная человеческая память.

Существует точка зрения, поддерживающая именно такую трактовку рассмотренной ситуации. Например, Д. Чалмерс и Э. Кларк считают, что границы мыслящего субъекта выходят за границы человеческого тела и человеческий разум не находится полностью в человеческой голове [Chalmers, Clark, 1998, p. 12]¹. Они утверждают, что если в мозг человека можно встроить компьютерный чип, который будет позволять ему выполнять те же операции, которые он мог бы выполнять с помощью соответствующего внешнего устройства (компьютера), то такой имплант можно считать частью когнитивной систе-

¹ Эти идеи развивают также [Rowlands, 1999], [Clark, 1997], [Clark, 2001], [Haugeland, 1995], [van Gelder, 1995], [Dennet, 1996], [Wilson, Clark, 2009]. Обсуждение основных тем, связанных с принятием этих тезисов, см. в [Menary, 2010]. См. также рефлексию этих тезисов в [Silberstein, Chemero, 2012], [Michaelian, Sutton, 2013], [Loughlin, Zahidi, 2017], [Greif, 2017].

мы человека, в мозг которого он встроен. Но если так, то, поскольку имплант обеспечивает человека точно такой же способностью, что и компьютер, не встроенный непосредственно ему в мозг, ничто, кроме предрассудков, не мешает считать систему, состоящую из человека и компьютера, используемого для решения определенной когнитивной задачи – например, хранения информации, – когнитивной системой, аналогичной системе, состоящей из человека и соответствующего импланта, встроенного в него [Chalmers, Clark, 1998, p. 11].

В определенном смысле тезис, что границы субъекта не обязательно совпадают с границами человеческого тела, звучит тривиально. Ведь субъектом познания может быть не только индивид, но и группа; а границы группового субъекта, очевидно, не проходят по границам какого-либо индивидуального тела, и «групповой разум», очевидно, не находится ни в чьей голове². Но Чалмерс, Кларк и другие утверждают нечто более специфическое: что индивидуальный субъект и индивидуальный разум могут не находиться полностью в человеческой голове.

Истинность этого когнитивного экстернализма, как можно обозначить эту концепцию, вызывает вопросы³. Можно заметить, что часто когнитивные состояния и процессы зависят от внешних факторов. Читая книгу, я получаю информацию, содержащуюся в ней; если заменить эту книгу на другую, я получу другую информацию и сформирую другие убеждения на основании этого взаимодействия. Но когнитивный экстерналист делает из этого вывод, что соответствующие элементы окружающей реальности являются составляющими тех когнитивных процессов, которые от них зависят⁴. Однако это очень спорный вывод. Существование человеческого организма зависит от наличия кислорода в атмосфере Земли, но это не значит, что кислород, находящийся в атмосфере Земли, или даже та его часть, которую человек вдыхает, является частью его организма⁵.

В качестве отдельного аргумента в пользу экстернализма в отношении когнитивных состояний может рассматриваться экстернализм в отношении ментальных содержаний [Burge, 1979], согласно которому два внутренне неразличимых ментальных состояния могут тем не менее быть разными, если вызваны взаимодействиями с разными внешними обстоятельствами (являются репрезентациями разных сущностей). Однако, во-первых, этот экстернализм сам нуждается в обосновании, а во-вторых, из того, что для идентификации менталь-

² Некоторые [Hutchins, 1995, p. 196] утверждают на этом основании, что группа может иметь когнитивные состояния, которых не имеет ни один из индивидуальных членов этой группы.

³ Критику данного подхода см. в [Rupert, 2004], а также в [Adams; Aizawa, 2008].

⁴ См., например [Dennet, 1996, p. 135–139].

⁵ Критику рассматриваемого вывода см. также в [Rupert, 2004, p. 398–399].

ного содержания надо учитывать внешние факторы, еще не следует, что эти факторы являются частью ментального состояния, содержание которого они определяют⁶.

Критика когнитивного экстернализма как такового, однако, не является целью данной статьи. Меня интересует более частный вопрос: может ли когнитивная система, состоящая из человека и внешнего устройства хранения информации, знать эту информацию в том же смысле, в каком человек, использующий для хранения информации собственную память, может знать то, что хранится в его памяти?

2. Искусственные аналоги памяти

Для начала можно спросить: а корректно ли считать человека с имплантом в роли памяти когнитивным аналогом обычного человека? Можно сказать, что, несмотря на то, что имплант имеет искусственное происхождение и на определенном этапе развития человеческого организма был в него вживлен, если он функционирует так же, как собственная память человека, создает те же эффекты, он может считаться когнитивным аналогом памяти. На данном этапе технического развития у нас нет таких имплантов, но мы можем допустить, что они появятся в будущем.

Но можно заметить также, что, согласившись считать человека и имплант частями единой когнитивной системы, мы не обязаны тем самым считать имплант частью этого человека и *его* когнитивной системы. Так, человек с протезом вместо руки, каким бы совершенным этот протез ни был, вряд ли согласится считать этот протез такой же частью своего тела, какой была его собственная рука. Однако можно возразить, что такое отношение является всего лишь предрассудком. Если полезный инструмент, интегрированный в человека, позволяет ему выполнять определенные задачи так же эффективно, как его собственный орган, который он замещает, и не наносит его пользователю

⁶ См. [Rupert, 2004, p. 402]. Другой аргумент может быть основан на прочтении некоторых убеждений как *de re*, т. е. связывающих субъекта с так называемыми единичными пропозициями, представляющими собой комплексы, состоящие из индивидов и их свойств (и отношений между ними); в этом случае сами внешние объекты (индивиды) оказываются частями пропозиций, являющихся содержаниями *de re* убеждений (см. [Burge, 1977]). Поскольку индивидуальный разум в его обычном понимании не может в буквальном смысле содержать внешние объекты, его тогда следует понимать экстерналистски [McGinn, 1989, p. 37–43] (см. также [Parineau, 1993]). Но даже если допустить, что, когда я думаю о воде, например, сама мировая вода или какая-то ее часть являются элементами содержания моей мысли, из этого еще не следует, что вода является частью самого этого акта мысли; скорее, уместно предположить, что содержание мысли в этом случае является чем-то внешним по отношению к самому процессу мышления.

никакого ощутимого вреда, и изъятие этого инструмента лишит человека возможности решать соответствующие задачи (с той же эффективностью), почему не считать этот инструмент такой же частью человека, в которого он интегрирован, как и орган, который он замещает? Допустим, создан имплант, который так же хорошо сохраняет информацию и обеспечивает к ней доступ, как собственная память человека. Почему не считать его такой же частью человека, в которого он вмонтирован, что и его собственная память? А если какое-то внешнее устройство работает так же хорошо, как имплант, замещающий память, то почему не считать и его частью самого человека, который его регулярно и успешно использует?

Но хранение информации и обеспечение к ней доступа по запросу – не единственная функция памяти: у нас есть убеждения и знания, и их содержание не просто хранится в памяти, а хранится в ней таким образом, что субъект все это время имеет соответствующие убеждения и знания. О системе с биологической памятью мы точно можем сказать, что она обеспечивает нас убеждениями и (если мир, в общем, таков, как мы думаем) знаниями; о людях с имплантами вместо памяти мы этого сказать не можем, и не только потому, что пока с ними не сталкивались. Наличие убеждения, что *p*, предполагает готовность действовать на основании согласия с «*p*», что предполагает, что субъект все время, пока он имеет данное убеждение, находится в определенном отношении к «*p*». Но если информация, что *p*, хранится не в его памяти, мы просто не можем сказать, находится ли субъект в соответствующем отношении к этой информации в то время, когда он с ней непосредственно не взаимодействует, получая к ней доступ по запросу.

Можно заметить, что если после изъятия устройства, интегрированного в человека, но имеющего внешнее происхождение, этот человек теряет часть когнитивных способностей, которые он имел, будучи снабжен этим устройством, то это – достаточное основание считать это устройство частью когнитивной системы этого человека. На это, однако, можно возразить, что если такое устройство было изначально добавлено к когнитивной системе данного человека, то более правдоподобной интерпретацией подобной ситуации является та, согласно которой изъятие этого устройства просто лишает его когнитивную систему тех *дополнительных* функций, которые она приобрела вследствие дополнения этим устройством.

Но даже если допустить, что некий совершенный имплант может быть когнитивным аналогом памяти, сомнительно, что какое-то внешнее устройство может быть аналогом совершенного импланта. Философ, считающий, что за ментальные свойства системы отвечают ее физические свойства, может отвергнуть эту идею просто на том основании, что подобная система физически устроена не так, как че-

ловек (впрочем, как и система с имплантом). Но не обязательно быть строгим физикалистом в отношении ментальных свойств, чтобы отвергнуть эту идею⁷.

В отличие от импланта в мозгу, внешнее устройство не всегда доступно, когда оно требуется. Но допустим, оно все время с человеком и все время включено. Чалмерс и Кларк полагают, что встроенное или внешнее устройство, используемое субъектом как замена его собственной памяти, может обеспечивать его теми же убеждениями, что и соответствующая информация, если бы она хранилась в его памяти, и быть основанием производства тех же действий [Chalmers, Clark, 1998, p. 18]. Они приводят четыре условия, выполнение которых должно обеспечивать этот результат: 1) устройство стабильно используется субъектом для получения соответствующей информации, 2) информация, хранящаяся в нем, непосредственно доступна, и этот доступ ничем не затруднен, 3) получая эту информацию, он автоматически подтверждает ее правильность, и 4) информация в устройстве была когда-то сознательно подтверждена субъектом в прошлом и именно вследствие этого хранится в данном устройстве [Chalmers, Clark, 1998, p. 17]. Но обычные внешние устройства не вполне удовлетворяют второму условию (как минимум надо проделать определенную физическую работу, чтобы получить доступ к хранящейся в таком устройстве информации). Кроме того, данные обычной памяти могут быть подвергнуты сомнению, они далеко не всегда принимаются автоматически⁸; и если от внешнего аналога памяти требуется, чтобы его данные подтверждались автоматически, то это скорее отличает его от обычной памяти, чем роднит с ней⁹. Наконец, можно представить себе, что, зная, что он все забывает, некий человек сообщает все, что еще помнит, своему другу, который его повсюду сопровождает и которому он безоговорочно доверяет, и когда ему нужно узнать, что он когда-то знал или в чем был убежден, он обращается к этому другу. Можно предположить, что «на выходе» он получает те же убеждения, которые имел бы, консультируясь с собственной памятью; но мы все же вряд ли согласимся считать другого человека частью когнитивной системы консультирующегося с ним индивида.

Также можно заметить, что память создает воспоминания, используя не только хранимые в ней данные, но и фантазию; у памяти есть собственная эвристика, которая отвечает за то, какие фрагменты запомненного подлежат забвению, а какие сохранению, как и в каком объеме лакуны между сохраняемыми данными заполняются вообра-

⁷ В конце концов, есть точка зрения, согласно которой мышление может быть свойственно системам, физически не тождественным человеку; ср. в этой связи позицию А. Тьюринга [Тьюринг, 1999].

⁸ Некритическое восприятие характерно для данных краткосрочной, но не долгосрочной памяти.

⁹ См. также критику четвертого условия в [Rupert, 2004, p. 409].

жаемыми сущностями и т. п. Внешнее хранилище информации (в отличие, кстати, от другого человека в этой роли) так не работает: это – просто запоминающее устройство, причем запоминающее в очень примитивном смысле простого сохранения данных без искажения. Память, кроме того, обеспечивает эффект присутствия: мы можем помнить не только сами события, но и свое участие в этих событиях, свои переживания по их поводу и т. п. Информация, хранящаяся во внешнем хранилище, может воссоздавать ситуацию, но не обеспечивает эффект присутствия. Субъект может записать в блокнот помимо события, которое он хочет запечатлеть, свое восприятие этого события: и все равно, извлекая эту информацию из внешнего носителя, он не получит тот эффект, который создает для нормального человека его обычное воспоминание о пережитом. Важная функция памяти – делать запоминаемое частью собственного прошлого субъекта. Конечно, это касается не всей информации, хранимой в памяти; но важно, что память способна обеспечивать этот эффект в отношении некоторых хранимых ею данных. А внешний носитель, даже если он встроен в мозг, не может этого обеспечивать: его свидетельства остаются в важном отношении для субъекта чужими¹⁰.

Я исхожу из того, что если я помню, что *p* и *p* имеет или имело место, то я могу знать, что *p*, а если я не помню, что *p*, то я не могу знать, что *p*. Не помнить, что *p*, разумеется, можно в разных смыслах: например, информация может храниться в памяти, но доступ к ней может быть ограничен; в этом случае, пожалуй, можно сказать, что субъект все-таки может знать то, что он не помнит. Но я здесь имею в виду полное отсутствие информации в памяти. Во внешнем устройстве информация есть, хотя доступ к ней ограничен; и все же о ней нельзя сказать, что это то, что субъект в буквальном смысле помнит. Не похоже, чтобы искусственные устройства могли быть полными функциональными эквивалентами собственной памяти человека. Я полагаю, таким образом, что о субъекте, использующем внешнее устройство как заместитель собственной памяти, нельзя сказать, что он может знать то, что хранится в этом устройстве, потому что о нем нельзя сказать, что он в буквальном смысле помнит эту информацию.

3. Мозги в бочке

Предположение, что человек может знать то, что хранится не в его памяти, а в искусственно созданном устройстве, могло бы, вероятно, приобрести больший вес, если бы было убедительно показано, что,

¹⁰ См. также критику аналогии между внешними устройствами хранения информации и внутренней памятью в [Rupert, 2004, p. 415–416, 420–421].

по крайней мере, какие-то синтетические системы, отличные от человека, могут иметь знания, подобные человеческим. Наиболее плодотворным в этом отношении примером выглядит система, соединяющая ту часть человека, которая в нем отвечает за мышление (мозг), и машину. В отличие от системы, состоящей из человека и искусственного устройства, выполняющего роль его памяти, в системе с человеческим мозгом в своем составе работа памяти может обеспечиваться теми же биологическими процессами, которыми она обеспечивается в обычном человеке.

Самый известный философский сценарий, описывающий подобную систему, известен как «мозг в бочке» [Патнем, 2002, с. 19–22]. В этой системе мышление создается мозгом, как и у человека, но его результаты зависят также от работы компьютера, который не только является частью искусственного тела данного существа, но и создает виртуальную реальность, являющуюся для него поставщиком опытных данных. В этом примере, предположительно, новая система может мыслить как человек, потому что существенной ее частью является основной орган человеческого мышления, хотя согласно Патнему некоторые человеческие установки сознания ей недоступны вследствие замены реального источника опытных данных на виртуальный.

Вопрос о том, может ли система, являющаяся мозгом в бочке, в принципе иметь ментальные состояния и мыслить, я здесь обсуждать не буду. Меня интересует, может ли мозг, сохраняя информацию, хранившуюся в памяти человека, у которого он изъят, передать новой системе, частью которой он является, знания, которые этот человек имел, обладая этой информацией? Данный сценарий интересен тем, что в определенном смысле мозг, изъятый из тела, превращается просто в хранилище информации, аналогичное любому другому. Поэтому если мозг сам по себе может обеспечить новую систему, в принципе способную к мышлению, человеческими знаниями благодаря сохраненной в нем информации, по аналогии можно настаивать на том, что то же самое в принципе способно обеспечить и альтернативное средство хранения информации.

Может ли мозг сам по себе что-то знать? Некоторые считают, что знания можно приписывать существенным частям системы, если их можно приписывать всей системе в целом [Searle, 2003]; тогда если человек знает, что p , и за его способность знать, что p , отвечает мозг, то можно утверждать, что его мозг знает, что p ; а если его мозг знает, что p , то, будучи ненадолго изъят из тела, он может сохранить это знание и передать его новой системе, в которую он будет встроен и в которой он может продолжать функционировать.

С одной стороны, идея, что если мозг отвечает в человеке за мышление и наличие ментальных установок, то это мозг человека – по крайней мере, в той мере, в какой именно он является но-

сителем человеческого разума – мыслит и имеет ментальные установки, выглядит почти тривиальной. Но, с другой стороны, как трактовать результаты действий, производимых с информацией мозгом самим по себе, зависит не только от структурной эквивалентности процедур, которые может производить мозг отдельно от человека, тем, что мог производить человек с этим мозгом, но и от тождества значений их результатов для мозга и человека соответственно. Если даже мозг в существенном смысле делает человека разумным, из этого еще не следует, что разум человека может сохраняться мозгом отдельно от человека.

Допустим, мозг, изъятый из тела, посредством каких-то пока не доступных технологий сохраняет способность делать выводы, осуществлять рефлексию и производить другие чисто ментальные операции с информацией, которая в нем хранится. Может ли он сохранить те же эпистемические установки, какие были характерны для соответствующего человека в отношении соответствующих фрагментов информации? Можно сказать, что, сохраняя способность делать выводы, он сохраняет способность решать определенные задачи на основании информации, которая была источником знаний соответствующего человека. Если так, то, по крайней мере, эти способности мозг может передать новой системе. Но является ли то, что мозг может использовать для производства выводов, тем, что он знает? Если я знаю, что p , и из p следует q , то, выводя q из p , я, вполне вероятно, получу знание, что q . Но, если мозг помнит, что p , из p следует q , и мозг выводит q из p , получит ли он знание, что q ? Если да, то можно предположить, что он, просто помня, что p , знает, что p . Но получит он знание, что q , или нет, зависит от того, какое значение будет иметь вывод, что q , для данного мозга. Важная часть состояния знания – способность принимать решения определенного вида. Если я знаю, что p , я готов в определенной ситуации утверждать, что p , а также что « p » истинно, выдвигать аргументы в пользу « p », объяснять определенные явления, ссылаясь на « p », производить такие манипуляции с некоторыми вещами, которые соответствуют их идентификации с объектами, существование которых следует из « p », и т. п. Может мозг сам по себе иметь такие установки? Это сомнительно хотя бы потому, что для того, чтобы иметь их, требуется не только быть внутренне настроенным на соответствующее поведение, но еще и иметь возможность действовать соответствующим образом. Мозг сам по себе такой возможности не имеет. Он ничего не может даже наблюдать, если не соединен с органами наблюдения. Диспозиции, которые мозг мог бы сохранить как руководства к использованию сохраняемой в памяти информации, в лучшем случае – диспозиции сформировать соответствующие поведенческие диспозиции при наличии подходящих органов.

Далее, можно заметить, что то, что мозг помнит, он помнит не о себе, а о человеке, частью которого он был, потому что это человек, а не мозг сам по себе, производил соответствующие действия с использованием тела и предметов окружающего мира и наблюдал соответствующие явления. Учитывая это обстоятельство, можно усомниться в том, что изъятие мозга у человека и помещение его в компьютерное окружение отвечает условиям, необходимым для сохранения идентичности исходного субъекта и, как следствие – его знаний, независимо от того, может ли мозг сам по себе быть субъектом каких-то ментальных установок.

Допустим, мозг сохраняет информацию о субъекте, которым был человек, у которого он изъят, в виде предложений «Я есть такой-то», «Я сделал то-то», «Я люблю то-то» и т. д., описывающих существенные черты соответствующего человека. Если «Я» в этих предложениях указывает на мозг как таковой или на виртуальный объект, создаваемый компьютером¹¹, то они будут ложными в ситуации «мозга в бочке». Если же «Я» в этих предложениях указывает на соответствующего человека, то эти предложения не будут тем, что мозг знает о себе, т. е. они не будут аналогами знаний человека о себе самом. Но если так, то независимо от того, можно ли сказать, что мозг сам по себе что-то знает и даже знает какие-то факты, аналогичные тем, какие знают люди, некорректно говорить о нем, что он сохраняет знания соответствующего человека и может передать их новой системе. Тогда ситуацию переноса мозга из тела в компьютер уместнее описывать не как смену одним и тем же субъектом тела с биологического на синтетическое, а, скорее, как уничтожение одного субъекта путем изъятия его мозга из его тела и создание нового субъекта из мозга прежнего и искусственно созданного заменителя организма. На мой взгляд, это означает, что если знание пропозиции трактуется обычным образом – как состояние или установка, связывающая предмет знания (пропозицию) с субъектом, – то в условиях переноса мозга из тела в компьютер пропозициональные знания исходного человека не могут быть сохранены в силу уничтожения одной из их существенных составляющих, а именно субъекта¹².

Также сомнительно, что мозг сам по себе может сохранить когнитивные функции хранимой им информации. Если я знаю, что снег белый, я тем самым знаю (могу легко вывести), в частности, что снег (в нормальном состоянии и при стандартном освещении, которые

¹¹ Как полагает Патнем.

¹² Разумеется, можно также сказать, что если верно, что в какой-нибудь книге – например, в учебнике – содержатся знания, то так же точно в мозгу могут содержаться знания, и эти знания могут передаваться вместе с мозгом от одного индивида другому. Это рассуждение, однако, корректно постольку, поскольку оно использует специфическое понятие знания, отождествляющее знание просто с истинной информацией, которая, естественно, может храниться в любом месте.

обычно в этом случае подразумеваются) не белый. Но я могу также предполагать некоторую вероятность того, что снег не белый. Уместно предположить, что если я считаю, что с некоторой вероятностью снег не белый, это эквивалентно убеждению, в котором соответствующая вероятность приписывается пропозиции, что снег не белый. Таким образом, если иметь в виду только информацию, представленную в этих установках, то она сводится к противоречию: снег белый и снег не белый. Мозг может хранить информацию о том, какую эпистемическую ценность имела для соответствующего субъекта та или иная хранящаяся в нем информация: он может помнить, что определенные вещи он знал, другие полагал истинными с определенной вероятностью, в третьи верил в каком-то ином смысле и т. д. Но может ли он вывести из этой информации, что он знает то, что он помнит, что знал? Вряд ли. По крайней мере, обычный человек в нормальных условиях может проверить, знает он, что *p*, или нет, попробовав действовать, исходя из истинности «*p*». Взаимодействие с окружающими предметами и коммуникация с другими людьми обычно позволяют с определенной достоверностью судить о том, что хранимое в памяти эпистемическое значение информации соответствует условиям, в которых субъект находится. Ничто из этого не доступно мозгу в бочке в силу отсутствия органов, отвечающих за связь с внешним миром¹³.

Но мозг может даже не знать, что он изъят из тела, что его связь с реальностью оборвана, и, соответственно – не иметь мотивации удостоверять свои предполагаемые знания. Также существует теория знания, согласно которой наличие обоснования или удостоверимость для субъекта не является необходимым условием знания фактов или пропозиций¹⁴. Однако эпистемическое значение хранимой в памяти информации для такого субъекта, как мозг сам по себе, отличается от эпистемического значения аналогичной информации для стандартного человеческого индивида не потому, что мозг по-другому оценивает эту информацию, чего он может не делать, а потому, что у него отсутствует одна из важных когнитивных способностей, применение которой к информации является одним из оснований ее эпистемической оценки для человека. Если я помню, что люблю мороженое, но утратил способность испытывать какие-либо

¹³ Можно заметить, что в аналогичной ситуации находится полностью парализованный человек, но мы тем не менее не считаем его лишенным обычных знаний о себе и мире вокруг. Тем не менее если у индивида сохраняется возможность частичного взаимодействия с тем же окружением, которое было поставщиком информации в его предшествующем состоянии, если он хотя бы может наблюдать за происходящим, то статус его знаний может сохраняться в силу сохранения этой способности. Кроме того, в этом случае можно сказать, что он сохраняет свои знания, потому что это он их когда-то приобрел.

¹⁴ Этот подход в эпистемологии также известен как экстернализм; см., например [Dretske, 1981].

чувства, то в определенном смысле мое отношение к мороженому изменилось: оно больше не может вызывать у меня чувства любви, даже если я еще не заметил этого.

Таким образом, мне кажется весьма сомнительным предположение, что мозг, изъятый из тела и помещенный в компьютер, может сохранять обычные человеческие знания, даже сохраняя информацию, хранившуюся в памяти соответствующего человека.

4. Мозги и воспоминания

Но возможно, мозг, помещенный в бочку, может воссоздать все когнитивные свойства человека, у которого этот мозг изъят, и благодаря этому восстановить те знания, какие имел он? Мозг в бочке вполне может, помня, что чайник кипятит воду и что для того, чтобы попить чаю, надо вскипятить воду, сформировать диспозицию использовать чайник соответствующим образом. Ведь теперь у мозга есть возможность манипулировать объектами и есть объекты, подходящие на роль чайника, воды и т. п. Может ли мозг в бочке в буквальном смысле хотеть чаю – отдельный вопрос; но если может, то может, вероятно, и приобрести диспозицию указанного вида. Будет ли эта диспозиция функционально эквивалентна соответствующей диспозиции человека, и будет ли она основана на точно таких же выводах, зависит в том числе от того, сохраняются ли в новой системе значения выражений, используемых для производства соответствующих выводов и формирования данной пропозиции, и содержания соответствующих ментальных репрезентаций: будут ли мысли мозга в бочке о себе, чайнике и воде такими же мыслями, что и аналогичные мысли человека, а установки мозга в бочке, основанные на этих мыслях, такими же, как соответствующие человеческие установки?

Ответ на этот вопрос зависит от того, как трактуется содержание ментальной установки – как широкое или как узкое¹⁵. Но нам здесь достаточно указать, что при определенной интерпретации содержания ментальных установок мозг в бочке может иметь те же знания, какие имел соответствующий человек, или хотя бы некоторые из них. Но нам здесь важно понять, может ли мозг в бочке получить эти знания на основании хранящейся в нем информации о воспоминаниях соответствующего человека. Для того чтобы допустить такую возможность, надо допустить, что мозг в бочке может буквально *вспомнить* то, что знал соответствующий человек. Соединяя эти воспоминания с новыми данными, он мог бы выстроить из них свой собственный за-

¹⁵ Детали этого различия см. в [Burge, 1979].

пас знаний, многие составляющие которого могли бы быть содержательно и функционально тождественны знаниям человека, у которого взят этот мозг.

Но на каком основании мы вправе утверждать, что в такой ситуации будет сохраняться способность вспоминать то, что знал человек? В известном смысле единичное воспоминание, понятое не как действие, активирующее память, а как определенное состояние, являющееся результатом активации памяти, есть также не просто информация о чем-то, но еще и определенное состояние информации, свойством которого является извлеченность данной информации из памяти конкретного субъекта. Но если субъекта, чьи это воспоминания, больше нет, то вместо воспоминаний – ментальных и когнитивных установок, обеспечивающих появление определенных состояний информации, – мозг транслирует в новую когнитивную систему только их фактическое содержание.

Конечно, можно понимать под воспоминанием не определенное состояние информации, а только саму информацию об определенном предмете, которая может быть представлена в различных актах воспоминания. В этом смысле воспоминания без особых проблем могут передаваться от системы к системе не только посредством пересадки мозга, но, вероятно, и путем его сканирования. И все-таки в обычном смысле «помнить» – значит сохранять то, что когда-то узнал. Но если я – мозг в бочке, – то неверно будет сказать, что я помню соответствующий факт, потому что я как мозг в бочке не узнавал этого факта, а лишь храню в памяти информацию о нем. Эта информация, по меньшей мере, не будет играть той же когнитивной роли в новой системе, которую она играла в старой, и поэтому не может считаться эквивалентной стандартному воспоминанию.

Таким образом, можно констатировать, что, по крайней мере, под вопросом возможность не только передавать знание от человека мозгу в бочке, но и реконструировать знания человека в системе, представляющей собой мозг в бочке, на основании хранимой в памяти мозга информации. Это было бы возможно, если бы можно было утверждать, что при переходе от биологической системы к синтетической сохраняется оригинальный субъект мышления. Но, на мой взгляд, как раз этого и не происходит.

Проблема мозга в бочке, таким образом, состоит в том, что он, вероятнее всего, не может в буквальном смысле помнить то, что знал человек, у которого изъят данный мозг, и если знание, сохраняемое памятью, должно активироваться в форме воспоминаний, то мозг в бочке, скорее всего, не может иметь таких же знаний, если он не может иметь соответствующих воспоминаний. Аналогично создание системы, состоящей из человека с травмированной памятью и внешнего или имплантированного устройства, замещающего эту память, можно

трактовать как появление нового субъекта со своими специфическими эпистемическими установками. Но, на мой взгляд, нет достаточных оснований трактовать эту ситуацию как реконструкцию когнитивных способностей, утраченных данным человеком вследствие утраты памяти. Соответственно, нет, на мой взгляд, и достаточных оснований утверждать, что в этих случаях человек, использующий искусственный аналог памяти, будет получать на основании информации, хранимой в этом устройстве, те же знания, что он получал бы на основании этой же информации, хранимой в его собственной памяти.

Список литературы / References

- Adams; Aizawa, 2008 – Adams, F., Aizawa, K. *The Bounds of Cognition*. Oxford and Malden, MA: Blackwell, 2008. 216 pp.
- Burge, 1977 – Burge, T. “Belief De Re”, *Journal of Philosophy*, 1977, vol. 74, no. 6, pp. 338–362.
- Burge, 1979 – Burge, T. “Individualism and the Mental”, in: French, P. et al. (eds.), *Midwest Studies in Philosophy*, vol. 4, no. 1, Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1979, pp. 73–122.
- Chalmers, Clark, 1998 – Chalmers, D., Clark, A. “The Extended Mind”, *Analysis*, 1998, vol. 58, no. 1, pp. 10–23.
- Clark, 1997 – Clark, A. *Being There: Putting Brain, Body, and World Together Again*. Cambridge: MIT Press, 1997. 292 pp.
- Clark, 2001 – Clark, A. “Reasons, Robots, and the Extended Mind”, *Mind and Language*, 2001, vol. 16, no. 2, pp. 121–145.
- Dennett, 1996 – Dennett, D. C. *Kinds of Minds: Toward an Understanding of Consciousness*. New York: Basic Books, 1996. 184 pp.
- Dretske, 1981 – Dretske, F. I. *Knowledge and the Flow of Information*. Cambridge, MA: MIT Press, 1981. 273 pp.
- Greif, 2017 – Greif, H. “What is the Extension of the Extended Mind?”, *Synthese*, 2017, vol. 191, no. 11, pp. 4311–4336.
- Haugeland, 1995 – Haugeland, J. “Mind Embodied and Embedded”, in: Hough, Y., Ho, J. (eds.), *Mind and Cognition, Taipei*. Taiwan: Institute of European and American Studies, Academia Sinica, 1995, pp. 3–37.
- Hutchins, 1995 – Hutchins, E. *Cognition in the Wild*. Cambridge: MIT Press, 1995. 408 pp.
- Loughlin, Zahidi, 2017 – Loughlin, V., Zahidi, K. “What is Left of the Active Externalism Debate?”, *European Journal of Philosophy*, 2017, vol. 25, no. 4, pp. 1614–1639.
- McGinn, 1989 – McGinn, C. *Mental Content*. Oxford: Basil Blackwell, 1989. 226 pp.
- Menary, 2010 – Menary, R. “Introduction: The Extended Mind in Focus”, in: Menary, R. (ed.), *The Extended Mind*. Cambridge, MA: MIT Press, 2010, pp. 1–26.
- Michaelian, Sutton, 2013 – Michaelian, K., Sutton, J. “Distributed Cognition and Memory Research. History and Current Directions”, *Review of Philosophy and Psychology*, 2013, vol. 4, no. 1, pp. 1–24.

Papineau, 1993 – Papineau, D. *Philosophical Naturalism*. Oxford: Blackwell, 1993. 240 pp.

Putnem, 2002 – Putnem, H. *Razum, istina, istoriya* [Reason, Truth and History]. Moscow: Praxis, 2002. 294 pp. (In Russian)

Rowlands, 1999 – Rowlands, M. *The Body in Mind: Understanding Cognitive Processes*. Cambridge: Cambridge University Press, 1999. 284 pp.

Rupert, 2004 – Rupert, R. “Challenges to the Hypothesis of Extended Cognition”, *The Journal of Philosophy*, 2004, vol. 101, no. 8, pp. 389–428.

Searle, 2003 – Searle, J. *Minds, Brains and Science*. Harvard University Press, 2003. 107 pp.

Silberstein, Chemero, 2012 – Silberstein, M., Chemero, A. “Complexity and Extended Phenomenological-Cognitive Systems”, *Topics in Cognitive Science*, 2012, vol. 4, no. 1, pp. 35–50.

Turing, 1999 – Turing, A. “Can a Computer Think?”, in: Turing, A. *Can a Computer Think?* Saratov: “College” Press, 1999, pp. 6–43 (In Russian)

van Gelder, 1995 – van Gelder, T. “What Might Cognition Be, If Not Computation?”, *Journal of Philosophy*, 1995, vol. 92, no. 7, pp. 345–381.

Wilson, Clark, 2009 – Wilson, R. A., Clark, A. “How to Situate Cognition: Letting Nature Take Its Course”, in: Robbins, Ph., Aydede, M. (eds.), *The Cambridge Handbook of Situated Cognition*. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2009, pp. 55–76.